

Ольга Северская (Москва)

«Субъект» современной поэзии как прагматическая переменная

Применительно к современной поэзии довольно часто звучит тезис о «растворении субъекта», отсутствии в текстах ярко выраженного личностного начала. Например, Л. Оборин замечает:

Поэты отказываются говорить и становятся оптикой.¹

Действительно, поэтическое «я» сегодня оказывается знаком без референта,² а потому более, чем когда-либо может присваиваться любым говорящим, делая лирическое высказывание одновременно и сугубо личным, и анонимным, «ничьим».

В этих случаях можно говорить о «Я» как о прагматической переменной,³ которая, наряду с другими – «ТЫ», «ЗДЕСЬ» и «СЕЙЧАС», – не обладает семантической «полновесностью», однако, отождествляя объекты, события, пространственно-временные отрезки, указывает на присутствие в тексте говорящего и его точку зрения.⁴ А значит, позволяет обрисовать те области текста, которые оказываются значимыми для интерпретации заложенного в нем авторского сообщения о мире.

Собственно, именно они помогают автору и читателю достичь согласия в пресуппозиции, при которой отправная точка интерпретации совпадает с определенной пространственно-временной точкой повествования. Это достигается мысленным введением адресата в ситуацию непосредственного общения. Она моделируется языковыми средствами, «фиксирующими центр восприятия и очерчивающими некоторый микромир, находящийся в

¹ Это мнение он высказал в ходе дискуссии о новой поэтической субъективности, которую организовал журнал «Знамя» (цит. по: Чупринин 2012). Та же мысль присутствует в предложенных участниками диспута понятиях «анонимности говорящего» (Б. Кенжеев), «фиктивных фигур авторства» (М. Степанова), «литературной псевдонимии» (И. Роднянская). Подробнее об этом сказано в Северская (2018).

² Как замечает Фарино, «безреферентность, условность лирического „я“ ведет к тому, что реципиент такого высказывания легко принимает это „я“ на себя, идентифицируется с ним», а «статус лирического „я“ подобен статусу не речевого „я“, а „я“ языкового» (Фарино 2004, с. 155).

³ Напомним, что прагматическими называются переменные, которые входят в смысл большинства предложений и определяют то, что принято называть индексом, или точкой, референции (Падучева 1985, с. 39-40).

⁴ Падучева (1996, с. 258-259).

поле непосредственного наблюдения».⁵ В силу автореферентности поэтического высказывания, непосредственно данными (как бы «наблюдаемыми») предстают референтные ситуации, выделенные в пространстве означающих с помощью речевых жестов. Среди прочих способов актуализации⁶ особое место занимает непосредственное указание на тот или иной коммуникативный контекст.

Читатель может стать «свидетелем» некоего речевого акта. Либо происходящего «здесь» и «сейчас» (по отношению к миру текста), либо имевшего место «там» и «тогда» (по отношению к нынешней позиции автора и читателя, в одном из возможных состояний текстового мира), что подчеркивается употреблением глагольных форм, соответственно, в настоящем или в прошедшем времени, иногда в сочетании с воспроизведением прямой или косвенной речи «чужого» разговора.⁷ Но при этом автор и читатель наблюдают за тем, что говорилось «там» и «тогда», из одной и той же точки, маркированной координатами «Я», «ТЫ», «ЗДЕСЬ» и «СЕЙЧАС»: ‘я здесь и сейчас рассказываю тебе о некоем разговоре’ – это значение можно приписать авторской речи, ‘я здесь и сейчас слышу и воспринимаю твой рассказ о некоем разговоре’ – читательской.

Побуждение читателя вступить в коммуникацию с автором выражается либо с помощью адресованного всем и каждому риторического вопроса (например: А. Парщиков, «Мемуарный реквием»; И. Жданов, «Дом»); либо с помощью императива, приглашающего читателя осуществить свой речевой акт: *Попробуй мне сказать...* (И. Жданов, «Фоторобот запретного мира»); *Поговори со мной...* (С. Гандлевский, «А вот и снег. Есть русские слова...»)⁸.

Пожалуй, самым явным указанием на то, что коммуникация происходит «здесь» и «сейчас», служат актуализированные в контексте поэтического высказывания прагматические переменные «Я» и «ТЫ» в сочетании с глаголами говорения и восприятия в перформативном употреблении: **Я говорю о простых вещах** (М. Айзенберг, «Сад им. Баумана»); **И что бы ни сказал ты – [...] я – говорю тебе** (В. Аристов, «Стихотворение в трех частях»); **я говорю после твоего слова [...] ты спрашиваешь меня что есть**

⁵ Ковтунова (1986, с. 4, а также с. 11).

⁶ К ним относятся иконическое выделение референта с помощью звуко-смыслового повтора, прямое указание на референт или референтную ситуацию, которое активизирует фоновые знания и устойчивые представления, формирующие интерпретационный фрейм, а также реализация прагматических переменных (Северская 2013а, с. 126-139).

⁷ Об этом говорят примеры «портретирования» речевых актов А. Парщиковым, С. Соловьевым, с одной стороны, или воспроизведение их в контексте авторской речи А. Драгомощенко, Н. Искренко и Т. Щербиной – с другой, которые уже становились предметом анализа (там же, с. 133-134).

⁸ Здесь и далее цитаты приводятся по поисковому контенту поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка (<http://ruscorpora.ru/search-poetic.html>, 30/01/2018).

истина и я говорю тебе дзен ты / спрашиваешь в чем заключается истина и я говорю тебе в / шепоте (Е. Даенин, «Приближение к Дзен»); *Что я сказал? Повтори* (А. Драгомощенко, «Кондратий Теокопокулос на перекрестке в ожидании гостя»); [...] *я тебя окликаю* [...] (А. Драгомощенко, «Эротизм»)⁹ и т.п.

Нередко высказывания с прагматическими переменными «Я» и «ТЫ» указывают читателю на наличие прецедента «говорения того же самого»: *Подсолнухи Ван Гог Оять аукцион / я список лотов дочитал до середины / и вышел вон / из недокупленной надышанной картины* (В. Кривулин, «Подсолнухи»), – здесь не только первая строка (благодаря сходству ритма и синтаксической структуры) отсылает к прецедентному тексту О. Мандельштама «Бессонница, Гомер, тугие паруса...», но и практически полностью совпадает описание акта восприятия с говорящим некоего текста. Различается только его содержание: *список кораблей* в тексте-источнике и *список лотов* в заимствующем тексте, но различие это не существенное, так как *лот* – это не только ‘аукционный товар’, но и ‘навигационный прибор для измерения глубин с борта судна’.¹⁰ Таким образом, мандельштамовские *корабли* и кривулинские *лоты* оказываются метонимически связанными в одной поэтической ситуации, а *списки*, в которых они упоминаются, указывают на один речевой акт, точнее – на его начало и конец (один поэт *прочел* – ‘читая, воспринял’ – *список*, другой его *дочитал* – ‘окончил чтение, довел его до конца или какого-либо предела’). При этом сам акт *чтения* предполагает наличие «первосказания»¹¹ и его присвоения, т.е. совпадения двух точек референции в прагматически переменном «Я»: *читать* значит ‘воспринимать что-либо написанное или напечатанное, прозвучавшее вслух или воспроизводя про себя’. «Я» прецедентного текста превращается в имплицитное «ТЫ», с которым и вступает в коммуникацию «Я» текста-реципиента.¹² Так создается то, что Ковтунова предлагает называть «открытым ассоциативным образным рядом».¹³

⁹ При этом воспроизводится не только устная, но и письменная речь, ср.: *Странно, / будто я пишу тебе на тот полусвет* (С. Соловьев, «Стекло»); *Перевернуты строки, / Которые я пытаюсь прочесть* (В. Аристов, «Дом Платона»).

¹⁰ Формулировки контекстных смыслов здесь и далее вытекают из значений, приписываемых соответствующим словам в «Большом толковом словаре русского языка» (Кузнецов 2008).

¹¹ Золян «первосказавшим» называет реального автора или персонаж, которому приписывается высказывание в мире текста, и замечает, что в поэтическом тексте с «Я» может отождествляться любой из «говорящих одно и то же» (Золян 1988, с. 26).

¹² Прием расщепления референции «Я» с помощью отсылки к прецедентному тексту используется современными поэтами довольно часто. В частности, об этом говорит и пример из «Появления героя» Л. Рубинштейна: *Ну что я вам могу сказать! [...] Послушай, что я написал*, где «Я» ассоциируется и с говорящим «ЗДЕСЬ» и «СЕЙЧАС»,

Некоторые поэтические школы (например, школа метареализма) прямо декларируют «прозрачность» и «проницаемость» субъектной позиции, помещая адресата и адресанта, *«тебя»* и *«меня»* – в «соты полые предложения», в «пробел между словами» (А. Драгомощенко, «Эротизм»),¹⁴ а также в заимозависимость индексов референции: *зря я ищущу тебя, собой не являясь* (А. Парщиков, «Бегство-2»); *Расстояние между тобой и мной – это и есть ты. [...] И когда ты стоишь предо мной, рассуждая о том и о сем, / я как будто составлен тобой из осколков твоей немоты* (И. Жданов, «Расстояние между тобой и мной...»)¹⁵ Другие же воздерживаются от подобных деклараций, но строят дейктическую систему своих текстов, основываясь на том же понимании «растворенной субъективности»,¹⁶ «прозрачности», которой поэты наделяют не имена, а местоимения.¹⁷

Можно говорить и о том, что сами поэты осознают множественность возможных для этого знака референций, что также легко подтверждается: *я раздвоюсь* (А. Еременко, «Вдоль коридора зажигая свет...»), *я фантом и чья-то часть* (И. Жданов, «Попробуй мне сказать, что я фантом...»); *Я [...] отпущено поровну всем, и ты понимаешь, что не в означивании дело, но в исключении* (А. Драгомощенко, «Кондратий Теотокопулос на перекрестке...»). Иногда даже создается впечатление, что «я»-субъект испытывает некий «кризис самоидентификации»: [...] *я неразличим* [...] (И. Жданов, «Область неразменного владенья...»); [...] *я не тот, кто* (А. Драгомощенко, «Кондратий Теотокопулос пишет письмо сыну»); *Но у каких менял / взамен себя как есть я получу – меня?* (И. Кутик, «Вступле-

и с пушкинской Татьяной (*Я к вам пишу – Чего же боле? Что я могу еще сказать?*) и Пушкиным как «говорящими одно и то же» (Северская 2013а, с. 136-137).

¹³ Ковтунова (1979, с. 267).

¹⁴ О прозрачности и проницаемости А. Драгомощенко пишет часто, например: *Звездное роение в абсолютной прозрачности субъекта и объекта. [...] Я наклоняюсь к тебе* («О фабуле разветвляющегося города»); *«Я» не нуждается в действующих лицах. Поэтому ты – только ты, я – только я, исчезающие в проницаемости* («Продолжали быть...»).

¹⁵ При этом не все поэтики можно назвать я-центричными: чаще всего местоимение 1-го лица используют И. Жданов (2,7 употреблений на страницу текста), С. Соловьев (1,9), А. Парщиков (1,7), у последних двух преобладает все же конкретно-референтное я, что объясняется установкой на изобразительность, и А. Драгомощенко (1,5), который преимущественно рассматривает я как языковой феномен; значительно реже я встречается у В. Аристова и И. Кутика (в среднем – 1 употребление на страницу); а Е. Даенин обходится практически без местоимений (его коэффициент – 0,3).

¹⁶ Судя по примерам из поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка, это характерно и для отдельных поэтик, ср. у В. Кривулина: *я ли, [...] став чертой / линией от «я» до «ты»?..* («Знали прикуп, жили в Сочи...»); *я – подобье адресата* («Одические строфы»).

¹⁷ О «прозрачности» как «проницаемости» и соотношении этого представления с концепцией «прозрачности» языкового знака Э. Гуссерля уже однажды говорилось (Северская 2013b).

ние)).¹⁸ Проективность референции обуславливается сменой точки зрения, при этом вектор проекции может как объективировать субъект: *Я смотрю на свет и себя стыжусь* (М. Айзенберг, «На ходу превращается прежний сон...»), так и наделять объект восприятия субъективностью: *я – всего лишь проблеск глазного дна* (И. Жданов, «На новый год»).

Прежде всего, «Я» при таком понимании – это и не ‘обозначение говорящим самого себя’, и не ‘обозначение сознаваемой человеком собственной сущности, самого себя как личности, индивидуума’, а скорее некий пустой знак, готовый вобрать в себя любой смысл. Этому есть множество подтверждений, приведем лишь самые яркие примеры: *я человек пустой* (М. Айзенберг, «За ночь кровля почти промокла...»); *я чувствовал рождение Пустыни / где смерчевый столбняк приблизился ко мне* (В. Кривулин, «Столбняк в пустыне»); наряду с «пустотностью» упоминается и «нулевое проявление» «Я»: *меня как будто нету* (В. Кривулин, „Allegro vivace“); *Меня никто не знает. / Меня как будто нет* (И. Жданов, «Крещение»¹⁹).

Интересно, но ожидаемо, что пустота знака «я»-субъекта заполняется речью в различных ее проявлениях: *Кто я здесь? [...] любое слово* (М. Айзенберг, «Если кто исчез удачно...»); *я [...] как бы на полях письма / неразборчивое слово* (В. Кривулин, «Хоть бы кто-нибудь хороший»); *Что я? спазмы горловые / хрипота ли?* (В. Кривулин, «Сумерки в бассейне»). Но и «я»-субъект способен наполнять пустоту содержанием и вербализоваться, например, занимая *пазы отверстых голосов* (И. Жданов, «Мастер»). Когда «я» обретает голос и способность произносить слова, начинается автокоммуникация: *И сам с собой минут на пять вась-вась / я* (С. Гандлевский, «Мне нравится смотреть...»); *Что я услышу, когда закричу?* (М. Айзенберг, «Надо мной стоит человек-гора...»), либо обмен речевыми актами.

В некоторых случаях это совпадает. Иллюстрацией могут послужить следующие строки: *И, собирая речь свою по капле, / я повторяю* (А. Еременко, «Дума»). С одной стороны, *речь* черпается «я»-субъектом из *реки слов*: в тексте актуализируется и стереотипное поэтическое сопоставление *речи* и *реки*, и общеязыковое представление о *текучести речи*, в соответствии с которым *речь* льется, *слова* же *цедят*, *выдавливают из себя по капле*. Иначе говоря, «я»-субъект заимствует высказывания предшественников и повторяет их в своем речевом акте. С другой стороны, подразуме-

¹⁸ Для «самоопределения» говорящему «я»-субъекту порой требуется «собеседник», т.е. некое «ты», которое может находиться и в мире с другими пространственно-временными координатами: *Нащупать бы себя. Я слухом ночь тревожу, / но нет, притихла ночь, не верит ни на грош* (И. Жданов, «Крещение»), – с одной стороны, коммуникация с ночью осуществляется «здесь» и «сейчас», с другой – «я»-субъект находится в «этом» мире, тогда как «ты»-субъект представляет мир «тот».

¹⁹ О преобразовании философского концепта «пустоты» в поэтический убедительно рассуждает Н.М. Азарова (Азарова 2013).

вается, что слова, которые «я»-субъект произносит, особым образом распределяются во времени. Это подтверждает одним из своих значений глагол *повторить* – ‘сказать еще раз то же самое’. Таким образом, «Я» говорит с нами «ЗДЕСЬ» и «СЕЙЧАС», но его локализация векторно двуправлена и открыта: к «ТАМ» и «ТОГДА» в прошлом (эксплицитно – *собирать* можно только то, что уже имеется к моменту речи) и в будущем (имплицитно, потенциально – *повторение* может быть неоднократным).²⁰

Что касается актуализации во времени и пространстве, то полезно будет проанализировать, как местоимения «Я» и «ТЫ» ведут себя в микроконтекстах, содержащих «эгоцентрические» (т. е. указывающие на «Я» высказывания) элементы дейксиса: именно они выделяют поле восприятия, общее для адресанта и адресата сообщения.

В норме «Я» должно определяться координатами «ЗДЕСЬ» и «СЕЙЧАС», – даже когда «я»-субъект использует прошедшее или будущее время, он находится именно в этой временной точке, по отношению к которой все и определяется. И именно в этой точке должен оказаться «ты»-субъект, чтобы правильно определить коммуникативную перспективу. В поэтическом тексте «ЗДЕСЬ» превалирует над «СЕЙЧАС», так как указывает, в соответствии со словарным значением лексемы, на место, время и обстоятельства речи, обозначая хронотоп, как в следующем примере: *Мне здесь пять, – брякнул гений. Мы отдали должное снимку* (С. Гандлевский, «Вот когда человек средних лет...»). С этой координатой связаны и другие эгоцентрические слова, в частности, указательные местоимения *этот, эта, это*, выделяющие нечто близкое в пространственном или временном отношении: *Я единственный свидетель: Эта местность мне знакома* (М. Айзенберг, «Приникает к темной яви...»). Эффект приближения реальности к говорящему достигается и с помощью реализации метафор, сравнений и иных образных выражений с использованием притяжательных местоимений 1-го лица: *Это мне мой кот наплакал, наилучший из котов* (М. Айзенберг, «Потихоньку речь течет...»).

Впрочем, не всегда это приближение именно к «я»-субъекту: *неизвестно я или не-я / это видит из толпы [...]* (В. Кривулин, «Сонет с обратной перспективой»). И не всегда он оказывается *здесь*, т. е. в *этом месте: Я приезжий, я нездешний* (М. Айзенберг, «Я приезжий, я нездешний...»);²¹ а

²⁰ «Здесь» и «сейчас» обычно связывают с сенсорным, а «там» и «тогда» с эпистемическим восприятием (Руднев 1966, с. 29). Определяемые соответствующими координатами высказывания в представлении читателя связываются метафорически или метонимически: посредством этого «говорящий (следовательно, всякий человек) последовательно вычлняет из мира, определяемого координатами „я“, „здесь“, „сейчас“ – из тесного круга, прилегающего к его телу и совпадающего с моментом его речи, другие миры» (Степанов 1985, с. 229).

²¹ Ср.: [...] *это не здесь* [...] (А. Драгомощенко, «Эротизм»).

иногда не может себя в этой точке пространства обнаружить: *где я? где я здесь?* (В. Кривулин, «Повод высказаться»); *где-то [...] я [...] раздавалось* (И. Жданов, «Мастер»). Чрезвычайно интересно используются в современных поэтических текстах местоименные наречия цели и следствия: сохраняя свою цельноформленность и основное значение, они переосмысливаются, вступая во взаимодействие с пространственными координатами. Так, в *зачем* за счет оживления внутренней формы акцентируется признак соположения в пространстве двух сущностей: *зачем я здесь* (В. Кривулин, «По Твоему слову»), – «я»-субъект как будто оказывается *за* или *рядом* с другим говорящим, «уступая» ему свою «законную» позицию; в данном случае в точке поэтического пространства, определяемой координатой «ЗДЕСЬ», звучит и *Голос Бога*, а «ЗДЕСЬ» становится точкой совмещения двух миров, фокусом интерпретации, точкой развития возможного диалога. Нечто похожее происходит и в другом случае: *Мне не туда, я не затем* (М. Айзенберг, «Вот пух: он так же сам собой...»), с той разницей, что тут речь об отдаленной перспективе с координатой «ТАМ».²²

В большинстве случаев можно говорить о смещении дейктических координат, например, об актуализации «Я» в областях поэтического мира с координатами «ТАМ» и «ТОГДА», обычно приписываемых «ТЫ» (и наоборот). В том числе в областях, не названных прямо, но определяемых как те или иные по косвенным признакам (в частности, по лексико-семантическим соответствиям и оппозициям).

Как показывает Национальный корпус русского языка, в современной поэзии на то, что «Я» находится именно «ЗДЕСЬ», указывают, прежде всего, такие лексемы, как *тело, земля, песок, холмы, река, лес, роца, поле, ромашки, муравьи* и т.п.; с координатой «ТАМ» связаны *горы, небо, облака, ветер, птицы, тишина, немота, сон, память, мысли, душа, пустыня, ночь, холод(ок), могила*, что согласуется с традиционным поэтическим противопоставлением *этого, сего и того мира*.

Поэтическое «Я» хорошо чувствует себя как в «этом»: *Цветы увядшие, я так люблю смотреть / в пространство, ограниченное слева / ромашками* (А. Еременко, «Вечерний сонет»), так и в «том» мирах: *Еще природы вечная одышка / надеется, что я ее прочту* (М. Айзенберг, «Еще блеснет, теряя осторожность...»), – это высказывание, при кажущейся «здесьности» и

²² Ср. у М. Айзенберга: *Кто мне вслед обронит слово [...]?* «Я»-субъект различим в отдаленной перспективе, он удаляется от точки актуализации, а «здесь» и «сейчас» говорит кто-то другой – *ты, он, она, они*, обычно находящиеся «там» и «тогда», но эта точка референции немедленно трансформируется в свою противоположность, как только меняется перспектива воображаемого диалога и «я»-субъект улавливает оброненное слово, как уже где-то и когда-то прозвучавшее.

«сиюминутности», звучит (как следует из текста) там, «где только шум и шорох, или крик, а голос человека неуместен».²³

Можно наблюдать и пространственно-временное расщепление референции, поскольку в одном контексте могут совмещаться два плана – ближняя и дальняя перспективы: *В жизни я много чего забыл, / но помню тот яркий осенний день – / озноб тополей на сентябрьском ветру, синее небо [...]* (С. Гандлевский, «Когда я был молод...»); *потолок – уже небо хотя штукатурка в лоскутках / небо, конечно, иначе кому я молюсь* (В. Кривулин, «Ослепленный Блок»). В первом примере на нечто, что когда-то было, но к моменту речи *прошло*, указывает глагол *забыть* – ‘оставить в прошлом, упустить из виду / не взять с собой’, в то время как глагол *помнить* переводит план прошлого в план настоящего и – в возможной перспективе – будущего. При этом *тополя* – это атрибут земного, «сего» мира, а *небо* – это уже мир «тот». Во втором случае граница между *небом* и *землей* проходит по *потолку*: вертикаль объединяет *небесный свод мироздания* и *свод здания*.

Иногда поэт использует координату «ЗДЕСЬ», выделяя ею в фокусе контраста предмет речи и поэтического осмысления: *Местами Тибр серебряный, но пробы / не видно из-за быстрого течения. / Я был здесь трижды. Хочется еще* (С. Гандлевский, «Вот римлянка...»), – в норме должно было бы быть *там*, но *здесь* подает читателю Тибр как на ладони.

«ЗДЕСЬ» как фокус контраста может и не присутствовать в тексте эксплицитно. Но легко восстанавливается в соотношении с координатой «ТАМ», от которой «я»-субъект дистанцируется, как в следующем примере из «Взгляда» И. Жданова:

В воронке взгляда гибнет муравей,
в снегу сыпучем простирая лапки
к поверхности, которой больше нет.
Там нет меня. Над горизонтом слова
взойдут деревья и к нему примерзнут –
я никогда их не смогу догнать, –

«ТАМ» и «ТОГДА» относятся как к прошлому, так и к будущему, а поскольку «я»-субъекта *там нет*, то методом исключения он обнаруживается «ЗДЕСЬ» и «СЕЙЧАС», откуда и берут начало две отдаленные перспективы.

В большинстве случаев мы имеем дело с пограничными ситуациями и взаимопроницаемостью пространств, а «я»-субъект может переходить границу в разных направлениях: побывав «там», оказаться «здесь», находясь «здесь», обращаться к тому, что «там», чувствовать себя «там», как «здесь» и т.д.²⁴ Не случайно и довольно частое употребление форм *где-то, где-то*

²³ Об этом говорят такие словесные «маркеры», как *память, сон, заочность, уямы на краю* (*на краю могилы), *утрата, духи, безголосые, слепые, глухие дни, облачная завеса* и т.п.

²⁴ И кажется, такие перемещения ему жизненно необходимы, ср.: *Я умру здесь, сомкнув створы «сейчас»* (А. Драгомощенко, «Возможность исключения»).

здесь, где-то там. «Тот» мир, как и «этот», обнаруживается *рядом, возле, вокруг* той части поэтического пространства, той точки, с которой соотносится «Я». При этом «я»-субъект может впускать *тот* мир в *этот*, «здесьний»: *Я окна открыл. Пусть ветер гуляет по комнатам* (А. Еременко, «Хоку»); или же вбирать мир в себя, как у И. Жданова: *и мир во мне очнется, и шевельнется звук* («Контрапункт»); *горы во мне продолжают расти* («Полустанок...»); *вода, как будто к разговорам / полужаснувших рыб прислушиваясь, [...] льется сквозь меня* («Крещение»). Интересно и то, что внутреннее пространство ассоциируется, прежде всего, с домом: *дома* – это и значит «ЗДЕСЬ».²⁵

Как можно было убедиться, «Я» в современных поэтических текстах действительно становится некой переменной величиной, способной принимать различные значения. При этом «Я» оказывается принципиально диалогичным: как отмечал Е. Фарино, «я» может быть употреблено только при обращении к кому-то, кто предстанет как «ты» и, став «эхом» говорящего, в свою очередь обозначит себя, обращаясь к нему, как «я».²⁶ Если воспринимать речь как поток, то не скажешь лучше И. Жданова, который в «Плыли и мы в берегах...» так сформулировал свое отношение к новой субъективности: *Больше того, чем я не был и что я такое, / в этом потоке я быть не могу и не стану...*

Литература

- Азарова, Н. (2013): Как современная поэзия осваивает традиционную и новую философскую лексику // Шталь, Х. / Рутц, М. (ред.): Имидж, диалог, эксперимент – поля современной русской поэзии. München / Berlin / Washington. 209-230.
- Золян, С. (1988): Поэтическая семантика и семантико-композиционная организация поэтического текста. Ереван.
- Ковтунова, И. (1979): Структура художественного текста и новая информация // Золотова, Г.А. (отв. ред.): Синтаксис текста. М. 276-288.
- Ковтунова, И. (1986): Поэтическая речь как форма коммуникации // Вопросы языкознания. 1, 1986. 3-13.
- Кузнецов, С. (ред., 2008): Большой толковый словарь русского языка. СПб. / М. <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (2/02/2018).
- Национальный корпус русского языка. Поэтический корпус. <http://ruscorpora.ru/search-poetic.html> (15/09/2016).
- Падучева, Е. (1985): Высказывание и его соотношенность с действительностью. М.

²⁵ По всей вероятности, это связано с хайдеггеровским образом «дома языка» и введенным им различием «здесьности» и «здесь-бытия» (Хайдеггер 1993, с. 264).

²⁶ Фарино (2004, с. 608).

- Падучева, Е. (1996): Семантика нарратива // Падучева, Е.: Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). М. 195-418.
- Руднев, В. (1996): Теоретико-лингвистический анализ художественного дискурса. М.
- Северская, О. (2013а): Поэтическое высказывание и смысловая композиция текста (структурный и коммуникативный аспекты) // Красильникова, Е. (отв. ред.): Поэтическая грамматика. Т. 2. М. 122-176.
- Северская, О. (2013b): Лингвистическая философия метареализма (поэзия и поэтическая метатеория) // Шталь, Х. / Рутц, М. (ред.): Имидж, диалог, эксперимент – поля современной русской поэзии. München / Berlin / Washington. 91-117.
- Северская, О. (2018): Субъект лирический или публицистический? От чьего имени говорит новая социальная поэзия // Шталь, Х. / Евграфкина, Е. (ред./сост.): Субъект в новейшей русскоязычной поэзии – теория и практика. Frankfurt a.M. 325-341.
- Степанов, Ю. (1985): В трехмерном пространстве языка. М.
- Фарино, Е. (2004): Введение в литературоведение: Учебное пособие. СПб.
- Хайдеггер, М. (1993): Время и бытие: Статьи и выступления. Пер. с нем. В. Бибихина. М.
- Чупринин, С. (2012): Стихи без героя? Приглашение к дискуссии // Знамя. 11, 2012. <http://magazines.russ.ru/znamia/2012/11/c11-pr.html> (30/01/2018).